

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейнана	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало историко-булгарской историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футурологии	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дюбуазиак. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дюбер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзлерг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

БАНКРОТСТВО ЭПИГОНОВ
ФУРЬЕРИЗМА¹

Назревание и развитие в 40-х годах XIX в. революции, имевшей исключительно большое значение в истории Франции и всей Европы, великого поворота в истории социалистической мысли и рабочего движения, явилось решающим испытанием для французского утопического социализма, сложившегося в предшествующий период. Оторванность раннего социалистического движения, которое было тогда делом небольшого круга мелкобуржуазной интеллигенции, от масс, научная несостоятельность его утопических теорий и объективная реакционность его практики выявились с предельной ясностью именно в ходе революции 1848 г. во Франции и в сопоставлении с появившимся тогда научным коммунизмом, возникновение которого знаменовало революцию в истории общественной мысли. Наиболее ярко свидетельствует об этом испытании, которого утопический социализм не выдержал, путь, проделанный в этот период наиболее значительным в то время течением французского социализма — фурьеризмом.

Учение Шарля Фурье, во многих отношениях стоявшее выше других теорий предшественников научного коммунизма, сохранило все основные недостатки и ошибки утопического социализма: непризнание исторической самостоятельности пролетариата, антиреволюционность и политический индифферентизм, попытку заменить изобретенной «социальной наукой» материальные силы исторического развития, надежду на всемогущество пропаганды словом и примером и на содействие просвещенных представителей господствующего класса делу разумного переустройства общества. Кроме этих основных ошибок, присущих всем представителям раннего социализма и объясняющихся историческими особенностями эпохи, в «социетарном плане» Фурье имеется еще одно существенное противоречие, являющееся результатом непоследовательности этого мыслителя и отражающее его мелкобуржуазные тенденции, — сохранение нетрудового дохода.

Эти существенные недостатки и ошибки учения Фурье имели на более ранней ступени развития общественной мысли второстепенное значение по сравнению с его пронизательной и блестящей, глубокой и острой социальной критикой, с положительными выводами относительно грядущего. Его ошибки отходили на второй план еще и в связи с тем, что сам Фурье резко осуждал всякие частичные и постепенные реформы и требовал еди-

¹ Хотя о фурьеристской «Социетарной школе» и ее вожде Викторе Консидеране написано немало как буржуазными авторами (Н. Bourgin, С. Coignet, J.-M. Jeanneney, J. Marçou, E. de Mirécourt и др.), так и историками-марксистами (F. Armand, M. Doumanget), процесс вырождения французского фурьеризма в реакционную доктринерскую секту освещен в этой литературе, на наш взгляд, неудовлетворительно. Цель настоящего очерка — показать основные линии этого процесса.

новременного, решительного и полного перехода к новому общественному порядку. Между тем в эпигонском фурьеризме, сложившемся в условиях существенно иной социально-исторической обстановки соотношение прогрессивных и реакционных моментов коренным образом изменилось, тем более, что ученики Фурье односторонне развивали ошибочные и реакционные его положения, пренебрегая наиболее прогрессивными идеями. На примере фурьеристской школы можно видеть, насколько справедливы слова авторов «Манифеста Коммунистической партии»: «Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата. Поэтому они последовательно стараются вновь притупить классовую борьбу и примирить противоположности. Они все еще мечтают об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров,... и для сооружения всех этих воздушных замков вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков. Они постепенно опускаются в категорию... реакционных или консервативных социалистов, отличаясь от них лишь более систематическим педантизмом и фанатической верой в чудодейственную силу своей социальной науки»¹.

Фурьеристская «Социетарная школа» образовалась еще при жизни Фурье, в 30-х годах XIX в., как объединение социально критически мыслящих и имущих буржуазных интеллигентов-одиночек, среди которых, как справедливо отметил Энгельс, были «...многие лучшие умы современной Франции»². Наиболее выдающуюся роль при этом стал играть Виктор Консидеран, один из лучших их писателей, который выступил как теоретик, пропагандист, организатор и политический деятель, олицетворявший все французское и зарубежное фурьеристское движение, со всеми его сильными и слабыми сторонами. От других школ утопического социализма эта школа выгодно отличалась тем, что она не производила впечатления религиозной секты (как, например, школа Сен-Симона): дух изыскания и критики, заложенный учителем, придавал ей вид действительно научной школы.

В 40-х годах возглавляемая Консидераном школа стала единственной во Франции крупной социалистической организацией, со значительным числом активных членов, объединенных в рассеянные по всей стране группы, с талантливыми и преданными идее пропагандистами, с большим книгоиздательством и несколькими повременными изданиями, в том числе ежедневной газетой.

Однако под внешним подъемом, даже расцветом фурьеристской, или, как ее еще называли, фаланстерианской, школы назревал глубокий, роковой для нее кризис, обусловленный тем, что это было по сути своей мелкобуржуазное социально-политическое направление, которое, как и всякое движение мелкой буржуазии, вследствие промежуточного положения

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1950, стр. 68—69.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 397.

последней в капиталистическом обществе, претендовало на самостоятельную и даже ведущую роль в развивавшейся борьбе основных антагонистичных классов, на роль надклассового арбитра-примирителя, но, практически оказываясь бессильным, было обречено на неизбежный провал в решающий момент борьбы.

Внутренняя слабость «Социетарной школы» обусловлена была еще и тем, что образовавшие ее ученики и последователи Фурье не были охвачены той горячей ненавистью к строю буржуазной «цивилизации» и тем стремлением к всеобщему и коренному социальному обновлению, которыми был проникнут сам Фурье. Это стало заметно еще при жизни Фурье и привело к отчужденности учителя от «школы», даже от ближайших учеников, руководителей последней, в том числе и от Консидерана. Отказываясь от наиболее радикальных, по духу своему революционных, положений учения Фурье, Консидеран и его единомышленники пытались превратить фурьеризм в социал-реформистскую доктрину. В первые годы существования «Социетарной школы», которые были последними годами жизни Фурье, отчужденность между учителем и учениками стесняла последних, но после его смерти процесс вырождения фурьеризма в реакционное доктринерство стал развиваться все более и более явно, завершившись десять с небольшим лет спустя полным превращением эпигонов фурьеризма в антиподов Фурье.

Особенностью фурьеристского движения, вытекавшей из его социал-реформистской направленности, была его оторванность от народных масс, от политической и революционной борьбы. Если обратиться к спискам членов фурьеристских групп, подписчиков фурьеристских изданий или участников фурьеристских банкетов, то можно обнаружить в них представителей различных слоев мелкой и средней буржуазии, рабочие же среди них попадались лишь в виде исключения. Фурьеристские руководящие деятели, которые всегда были противниками революционной демократии, коммунизма и классовой самодеятельности пролетариата, требовали «крепко держать фаланстерианское знамя и ясно, решительно отличать его от всякого революционного, насильственного и противособственнического социализма»¹. Они даже не стремились вовлечь в свои ряды рабочие массы, а отдельные попытки распространить «социальную науку» Фурье среди пролетариев не встречали одобрения со стороны этих руководителей «Социетарной школы», считавших, что последней «нечего ждать от бедных и невежественных классов»². Правда, несмотря на такое недоверчиво-пренебрежительное отношение к рабочим со стороны высокмерных буржуазных интеллигентов-фурьеристов, идеи Фурье после 1832 г. проникали в пролетарскую среду, в революционную и демократическую печать и в некоторые тайные общества (например, в «Общество прав человека»). Там они встречали иное восприятие и иное истолкование и после критического усвоения, в сочетании с идейным материалом иного происхождения, становились одним из источников и составных частей новых, революционно-коммунистических учений (как, например, учение Дезами). Но «правовверный фурьеризм», фурьеризм «Социетарной школы» был и оставался одной из разновидностей мелкобуржуазного социал-реформизма, все более и более становившегося реакционным.

Процесс утраты фурьеризмом его первоначально прогрессивной роли и вырождения фурьеристской «Социетарной школы» в реакционную секту мелкобуржуазного социализма выявился в полной мере на протяже-

¹ «Bulletin phalanstérien», 17 septembre 1848, p. 97.

² «La Phalange», 2-e série, t. 2, p. 631.

нии последних лет, предшествовавших революции 1848 г. Это были годы, когда французский пролетариат созрел как класс и готовился к революционному действию, тогда как фурьеристские вожди оставались оторванными от рабочего и революционного движения и пребывали во власти старых, сложившихся у всех представителей раннего французского социализма в предшествовавшую эпоху, антиреволюционных предубеждений, неверия в силы рабочего класса и наивных надежд на благоразумие господствующих классов.

Консидеран, следуя данному Фурье общему направлению критики экономических и социальных противоречий капиталистического строя, производил анализ назревающей и развивающейся классовой борьбы в исторической обстановке, существенно отличавшейся от той, какую наблюдал Фурье, когда он разрабатывал свое учение. Но, будучи проникнут неверием в социально-творческие способности рабочего класса и опасаясь пролетарской социальной революции, в которой он видел только разрушительную силу, этот виднейший идеолог фурьеристского движения искал спасения от последней в противопоставлении революционной классовой борьбе пролетариата метода «мирного согласования классовых интересов» и с этой-то целью хотел использовать «социетарный план» Фурье.

Для характеристики деятельности Консидерана знаменательно, что уже при опубликовании основного своего произведения «Предназначение общества», первый том которого появился в 1834 г.¹, он считал нужным выставить фурьеризм как движение, не только ничего общего не имеющее с революционным движением, развивавшимся в те годы во Франции, а, наоборот, как направление мысли, ставящее себе целью путем «разумного» мирного преобразования общества спасти «порядок» от революционного потрясения. Во всех своих дальнейших произведениях и публичных выступлениях Консидеран, проявляя понимание происходившей на его глазах социальной борьбы как борьбы антагонистических классовых интересов, в то же время сохранял решительную антиреволюционность и принципиальный политический индифферентизм, рассчитывая на возможность мирного и постепенного преобразования производственных и общественных отношений на основах ассоциации капитала, труда и таланта.

Неудачи попыток «Социетарной школы» создать более или менее действенное движение и хотя бы добиться организации опытного фаланстера привели Консидерана в 1840 г. к идее создания «социальной партии» для политической борьбы за мирное преобразование в духе его идей. Новая партия, по его мысли, должна была не заменить школу, а дополнить ее, будучи орудием массового действия, тогда как школа сохранялась бы как руководящий идеологический центр движения. Подготавливая создание «социальной партии», Консидеран опубликовал в 1841 г. манифест «Социетарной школы», формулировавший «основы положительной политики»², а с 1843 г. начал издавать ежедневную газету «La Démocratie pacifique» («Миротворческая демократия»)³, в первом номере которой был опубликован новый «политический и социальный манифест»⁴. Эти манифесты и многочисленные статьи и брошюры

¹ V. Considerant. Destinée sociale, t. I, Paris, 1834; t. II, P., 1836; t. III, P., 1844.

² Bases de la politique positive. Manifeste de l'Ecole sociétaire fondée par Fourier. P., 1841.

³ «La Démocratie pacifique. Journal des intérêts des gouvernements et des peuples».

⁴ Manifeste politique et social de la Démocratie pacifique. «La Démocratie pacifique», 1843, t. I, pp. 1 sqq.

Консидерана и его друзей знаменуют дальнейшее развитие антиреволюционных и консервативных тенденций эпигонского фурьеризма.

Таким образом, с 1843 г. Консидеран и его друзья не могли больше оставаться на позициях аполитизма и были вынуждены вступить на арену политической борьбы, причем, внешне как бы сохраняя верность учению Фурье, но понимая и развивая его односторонне, они действовали в духе антиреволюционного реформизма, стремясь при помощи мирных и постепенных социальных реформ спасти буржуазную собственность, спасти существующий политический и социальный «порядок» от возникновения угрозы социальной революции.

* * *

В условиях предреволюционной ситуации фурьеристы выступили осенью 1847 г. с новым «Манифестом демократии в XIX веке»¹, который, как и их манифесты 1841 и 1843 гг., был написан Консидераном и представлял собой пересмотренный вариант манифеста 1843 г., уточнявший идеологические и политические позиции «*Démocratie pacifique*».

«Манифест демократии в XIX веке» — наиболее яркое выражение политического фурьеризма 40-х годов. Вместе с тем это произведение в известной мере синтезирует общие достижения французской социалистической мысли того периода. Касаясь в своей критической части тех же социально-исторических явлений, которые год спустя рассматривались в «Манифесте Коммунистической партии», консидерановский манифест мелкобуржуазно-реформистского социализма, направленного к примирению классов, представляет собой принципиальную противоположность этой боевой программы классовой борьбы революционного пролетариата, составленной Марксом и Энгельсом.

В первом разделе первой части своего нового «Манифеста», озаглавленном «Интересы и потребности общества», Консидеран прежде всего делал социально-исторический экскурс в прошлое, рассматривая особенности античного и феодального порядка, с одной стороны, а с другой стороны — нового порядка, который он называл христианским и демократическим. «Общества древности, — писал он, — имели своим принципом и правом — силу, политикой — войну, целью — завоевание и экономической системой — рабство, т. е. эксплуатацию человека человеком в ее самой полной, самой бесчеловечной, самой варварской форме»². Феодальный порядок по существу мало чем отличался от рабства, поскольку он основывался также на результатах завоевания, важнейшим делом почитал войну и обеспечивал сохранение и передачу завоеванных привилегий, хотя «экономической системой своей он имел уже менее жестокую и менее грубую степень эксплуатации человека человеком — крепостничество»³. Что касается «нового порядка», то он «вырос из феодального порядка благодаря развитию промышленности, наук, труда, благодаря медленным, но непреодолимым победам ума над силой, созидательного гения над гением войны»⁴. Поскольку носители нового порядка провозгласили христианский принцип расового единства человечества и вытекающий из него принцип политического равенства всех как граждан го-

¹ V. Considerant. Principes du socialisme. Manifeste de la Démocratie au XIX-e siècle. Librairie phalanstérienne. P., 1847.

² Там же, стр. 1.

³ Там же, стр. 1—2.

⁴ Там же, стр. 2.

сударства,— тем самым, заключал Консидеран, была открыта новая эпоха, эпоха демократии. Революция же потребовалась для перехода от старого порядка к новому лишь потому, что руководящие деятели феодальной Франции не поняли необходимости оказать разумное содействие «естественному движению всасывания и растворения, который мог бы произвести упорядоченное преобразование старого общества»¹. Так Консидеран утверждал возможность избежать революции, принципиальным и решительным противником которой он был.

Критикуя революцию конца XVIII в., Консидеран отмечал, что она только устранила мешавшие прогрессу силы и провозгласила новые принципы, не создав, однако, самого нового порядка. В связи с этим, по его мысли, необходимо понять различие между революционным принципом и принципом демократическим и сделать вывод, что «дело революции закончено, но дело демократическое только лишь начато»².

Перечисляя значительные достижения революции и признавая их, Консидеран указывал, что все же «она оставила без организации, без руководства и без какого-либо регулирования весь порядок хозяйствования в целом», отдав его на произвол «анархической конкуренции, самой слепой войны и, как следствие, монополии крупных капиталов»³.

Консидеран доказывал затем, что в результате такого положения, несмотря на отмену всяких привилегий законом, «новый порядок остается еще порядком аристократическим, правда, уже не *по принципу и de jure, a de facto*»⁴, так как, если не считать изменчивости судьбы отдельных людей, индивидуальных исключений, создаваемых случайностями, *классы* остаются постоянными, причем «уже не закон, не право, не политический принцип ставят перегородки между большими категориями французского народа,— это сама *экономическая организация, социальная организация*»⁵.

«Манифест демократии в XIX веке» обращал особое внимание на «быстрое образование нового феодализма путем анархической конкуренции» и на «коллективное рабство рабочих», два важнейших, по мнению Консидерана, процесса. При этом он особенно подчеркивал «быстрое и мощное развитие *нового феодализма*, феодализма *индустриального и финансового*, который закономерно приходит на смену дворянской и вошедшей аристократии старого режима путем уничтожения и обнищания промежуточных классов»⁶. Автор «Манифеста» указывал, что, вопреки чаяниям людей 1789 г., полная свобода в области промышленности и торговли, при наличии, с одной стороны, имущих классов, а с другой — классов неимущих, привела и не могла не привести ко «всеобщему порабощению, к коллективному феодальному подчинению масс, лишенных капиталов, инструментов труда, образования, наконец — производственных орудий, имущему и хорошо вооруженному в хозяйственном отношении классу»⁷. В этих условиях, при отсутствии социальной организации экономической жизни, заключал Консидеран, «*цивилизация, которая началась с дворинского феодализма и развитие которой освободило производителей от отношений крепостной зависимости личной, или прямой, ныне приводит, таким образом, к индустриальному феодализму,*

¹ V. Considerant. Principes du socialisme, стр. 3.

² Там же, стр. 4.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 7.

который осуществляет отношения крепостной зависимости работников коллективной, или косвенной»¹.

Консидеран показывал, что свободная конкуренция пагубно отражается на пролетариях, заставляя их соглашаться работать на любых условиях, тогда как предприниматель, даже самый гуманный, под давлением конкуренции с другими предпринимателями вынужден снижать заработную плату до крайних пределов. Таким образом, свободная конкуренция порождает все возрастающее обнищание рабочих в связи с неизбежным в силу самой конкуренции снижением заработной платы. Но одновременно она не менее пагубным образом отражается на классе собственников, где она ведет к «сокращению средних классов» и «угрозе верховенства денежной аристократии». По словам Консидерана, «здесь точно так же роковым образом господствуют сильные, здесь они точно так же беспощадно душат слабых», и это приводит к «все возрастающему подавлению мелкой и средней собственности, мелкой и средней промышленности, мелкой и средней торговли под тяжестью крупной собственности, под огромными колесами крупной промышленности и крупной торговли»². Консидеран отмечал, что это происходит во всех отраслях хозяйственной жизни, и скупыми, но резкими штрихами рисовал картину этого процесса, дополнял ее показом того, как аналогичный процесс подавления мелкой и средней собственности происходит и в области сельского хозяйства. Наконец, свой обзор результатов свободной конкуренции он заключал замечанием, что в выигрыше всегда оказываются «крупные спекулянты, крупные банки и — во всех областях — крупные капиталы», которые в конце концов становятся «хозяином всего»³.

Критически анализируя капиталистический способ хозяйствования, Консидеран приводил читателя к выводу, что так называемая «свобода производственной деятельности» при таком строе — это лишь «свобода ложная и иллюзорная» и что в результате «общество стремится все более и более отчетливо разделиться на два больших класса: меньшинство, обладающее всем или почти всем, абсолютный хозяин всего в области собственности, торговли и промышленности, и большинство, не владеющее ничем, живущее в абсолютной коллективной зависимости от владельцев капитала и орудий труда, вынужденное отдавать за ненадежную и постоянню уменьшающуюся заработную плату свои руки, свои таланты и свои силы феодальным сеньорам современного общества»⁴. Такая классовая поляризация общества, усиливающаяся концентрация капиталов, сопровождаемая образованием все растущей армии пролетариев, пауперизацией масс, разорением промежуточных классов, по Консидерану, усиливает новую промышленную и финансовую олигархию настолько, что она подчиняет себе и правительство, так что «не король, не министры, не нация правят страной, а уже индустриальная и финансовая феодальная аристократия»⁵.

Поскольку французская буржуазия (он имел в виду мелкую и среднюю буржуазию), по мнению Консидерана, не согласится безропотно отдать все свое материальное состояние и политическое влияние, перейдя на положение пролетариата, а народ Франции не захочет пасть до нищенских условий жизни, дальнейшее развитие создавшегося положения может породить лишь усиление классовой ненависти и усиление

¹ V. Considerant. Principes du socialisme..., стр. 8.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 10—11.

⁵ Там же, стр. 13.

борьбы, ведущее к социальной революции, которая прокатилась бы по всей Европе, подняла бы «все бесчисленные легионы современных рабов» на «социальную войну» огромного размаха, на новую «европейскую жакерию»¹.

Как видно из «Манифеста демократии в XIX веке», автор его достаточно ясно представлял себе нарастание классовой борьбы и возможные перспективы ее развития. Но, будучи мелкобуржуазным пацифистом, он питал страх перед пролетарской социальной революцией и искал спасения в благоразумии буржуазии, которую он звал к предотвращению революции при помощи последовательных и мирных социальных и экономических реформ, рекомендуемых «социальной наукой» фульеристской школы.

В заключительном параграфе первой части этого «Манифеста» Консидеран в сжатой форме обобщал данный им анализ превращения режима свободной конкуренции во «всеобщую организацию крупных монополий в каждой отрасли», гибельную для низших и средних классов, и, ссылаясь на самые достоверные, в частности статистические, данные, устанавливающие с бесспорной очевидностью выявленные им экономические и социальные процессы, заключал, что существующий строй — это «истинный ад»² и «желать задержать движение общества на этой форме, желать заставить человечество остановиться в этом социальном аду — это значит непременно провоцировать ужасные революции»³. В связи с этим автор обращался к «интеллигентным и предусмотрительным консерваторам», к «просвещенным людям из высших и средних классов», к «людям сердца из всех классов» с призывом присоединиться к борьбе за «отвращение бурь», к необходимым для этого «серьезным исследованиям».

Так Консидеран подводил читателя из мелкой и средней буржуазии (а обращался он именно к такому читателю) к признанию необходимости «мирного» разрешения социального вопроса, к проблеме, которой посвящен второй раздел рассматриваемого произведения, озаглавленный «Два решения социальной проблемы». Здесь выдвигалась альтернатива: коммунизм или ассоциационизм? Революционная борьба или реформистское умиротворение?

Консидеран указывал, что революционный принцип, отвергающий право собственности вообще и провозглашающий общность благ, равно как и революционные средства достижения коммунизма, быстро получают распространение в обществе, завоевывая больше всего сторонников среди рабочего населения крупных промышленных центров. Этот путь разрешения социальной проблемы, по его словам, предстал как реакция против «социального вторжения и тиранического господства капитала», и вследствие этого коммунистические и революционные учения могут лишь усиливаться по мере его усиления. Консидеран добавлял, что здесь налицо не только теории, которыми можно было бы легко пренебречь, — нет, это «осуществляемые дела», большие реальные движения, как коммунизм, чартизм и др. Такие движения захватывают пролетариат, значительные слои которого больше читают и больше занимаются социальными вопросами, чем это представляет себе современная денежная аристократия, как не представляла себе старая французская знать перед 1789 г. идеи народа, который она презирала.

¹ V. Considerant. Principes du socialisme..., стр. 13—14.

² Там же, стр. 15—16.

³ Там же, стр. 17.

Сравнивая положение в конце XVIII в. с современным положением, Консидеран высказывал мнение, что ныне «буржуазные классы начинают видеть, что они не менее, чем пролетарии, заинтересованы во введении гарантий в порядок хозяйствования и в сопротивлении вторжению финансовой аристократии»¹. И вот эти-то слои буржуазии, существованию которых угрожают крупнокапиталистические монополии, должны, по мысли вождя фурыеристов, решить, по какому пути им пойти: по революционному и коммунистическому пути пролетариата или же по иному пути, по пути, соответствующему экономическим и социальным устремлениям мелкой и средней буржуазии. Уже такой постановкой вопроса Консидеран показывал, что он — выразитель интересов не пролетариата, а именно мелкой и средней буржуазии. Еще с большей ясностью это видно из тех обобщений и выводов, какие он делал из своих наблюдений и анализа окружающей его действительности.

«Мы показали,— писал Консидеран,— что капитал и труд находятся в состоянии явной войны. Мастерская производства и распределения богатств — это лишь поле вечного сражения. Хозяин орудий труда, капитал, с необходимостью навязывает закон труду. Кроме того, капиталы ведут борьбу между собой; крупные роковым образом раздавливают и поглощают мелкие. Крупные капиталы, концентрируясь в аристократических семьях и умножая их могущество при посредстве системы больших акционерных компаний, становятся все более и более решающими. Наконец, самое развитие этой решающей силы и невозможность сопротивления масс на почве производственной свободы неизбежно вызовут рано или поздно революционную борьбу на почве социальной. Классы, неизменно и роковым образом побежденные в области экономической, рано или поздно обратятся от свободы и равенства, вызывающих насмешку, к грубо действительному равенству, к дележу. А когда делают революцию для дележа и при этом оказываются победителем, то не занимаются дележом, а прогоняют побежденных и забирают все. Это ведь сделала и буржуазия со старым дворянством и духовенством»². Но Консидеран вовсе не хотел, чтобы пролетариат совершил свою социальную революцию и экспроприировал буржуазию,— наоборот, он боялся коммунистической революции и желал предотвратить ее во что бы то ни стало. «Следовательно,— заключал он,— поскольку последствия войны труда и капиталов на почве свободной конкуренции роковым образом ведут либо к подавлению труда и мелких и средних капиталов капиталами феодальными, либо к подавлению собственности и капитала восстанием рабочих, есть только одно единственное средство отвратить эти два неизбежных последствия бррьбы: это — **заставить прекратить борьбу**»³.

Таким образом, Консидеран выступал в роли проповедника «третьего пути», который, как он верил, мог бы привести к спасению собственности и прекращению борьбы классов. Единственным же средством к предотвращению революции, спасению собственности и установлению социального мира он считал ассоциацию, в которой труд и капитал были бы гармонически объединены в обоюдопользном сотрудничестве,— «тройственную ассоциацию капитала, труда и таланта»⁴. Именно доказательству пользы такого сотрудничества классов в ассоциации как ради интересов всего общества, так и ради интересов каждого класса в отдельности посвящены дальнейшие параграфы первой части «Манифеста демократии

¹ V. Considerant. Principes du socialisme..., стр. 20.

² Там же, стр. 20—21.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 26.

в XIX веке», в которых Консидеран пытался доказать необходимость и возможность организовать «ассоциацию классов в национальном объединении и ассоциацию наций в человечестве»¹. Осуществление этой задачи Консидеран возлагал на «новую демократию», на «миротворческую демократию», к которой он пытался привести своего читателя.

Рассматривая состояние современного общественного мнения, Консидеран представлял дело так, будто демократический дух получил во Франции общее распространение и под влиянием общего движения умов демократизируется даже легитимистская партия. Что касается самой демократии, то в ней Консидеран в 1847 г., как и в 1843 г., различал три основных направления: «иммобилистскую демократию», «ретроградную демократию» и «прогрессивную демократию».

Несмотря на общую победу демократического принципа, в области политической жизни Франции, замечал Консидеран, господствуют прострация и оцепенение масс, и на этой почве развивается коррупция и утверждается господство денег. Социальный вопрос, который, по его мнению, стал важнее политического, требует безотлагательного разрешения. Между тем старые политические партии, которые Консидеран характеризовал как «ретроградные», не в состоянии разрешить его. «Имобилистская демократия», партия ограниченных консерваторов, придерживается доктрины «систематического иммобилизма», который своей вызывающей политикой толкает массы к опасным, с точки зрения автора «Манифеста демократии в XIX веке», социальным революциям; но в этой партии намечается раскол, и взгляды наиболее здравомыслящей ее части развиваются в направлении «прогрессивной и организаторской демократии». К «ретроградной демократии» Консидеран относил революционные партии и группировки буржуазных политических революционеров-демократов, а также революционных социалистов и коммунистов, которые, по его мнению, неспособны правильно разрешить социальный вопрос. Каждая из этих партий, полагал Консидеран, отстаивает тот или иной правомерный принцип, но исключительная победа какой-либо одной из них не должна быть допущена; единственно верный путь развития указывает, по его утверждению, только возглавляемая им «прогрессивная демократия», «партия миротворческая и организаторская».

Характеризуя в дальнейшем платформу «миротворческой демократии», Консидеран высказывал надежду на присоединение к ней всех тех, кто, разочаровавшись в политических революциях, не склонен, однако, воспринять идеи революционного коммунизма. При этом он противопоставлял «миротворческую демократию» демократии революционной, называя последнюю ложной демократией и стараясь представить ее в самом худшем свете, как силу, которая якобы «сеет анархию и пожиная деспотизм»². Наоборот, «миротворческую демократию» Консидеран всячески восхвалял как демократию истинную и приписывал ей всевозможные благодетельные свойства. О классовой сущности этой «истинной демократии» в понимании Консидерана можно судить по следующим строкам его «Манифеста»: «По смыслу, вкладываемому в слово «демократия» этим новым мнением, слово это отнюдь не означает управления обществом со стороны низших классов; оно означает управление обществом и организацию его в интересах всех путем иерархического вступления в каждый вид деятельности числа граждан, растущего со ступенями социального развития. Народ — это не класс, это — совокупность всех,

¹ V. Considerant. Principes du socialisme..., стр. 25.

² Там же, стр. 52.

а управление — это не слепое и беспорядочное действие неспособных, это — разумное и единое действие способных, число которых должно беспрестанно иметь тенденцию к возрастанию благодаря социальному воспитанию и правительственной деятельности»¹. Так консидерановская «истинная демократия» выступала не только против революционных принципов и методов, но и против непосредственного вступления пролетариата в руководство общественной и государственной жизнью.

Последний раздел «Манифеста демократии в XIX веке» посвящен доктринам фурьеристской газеты «La Démocratie pacifique», которые представлены здесь как проявление «всеобъемлющего гуманизма». Консидеран давал обзор, оправдывающий деятельность фурьеристов, с момента разработки новой идеологии в журнале «La Phalange» до создания газеты «La Démocratie pacifique» как органа широкого объединения и пропаганды идей «мира, ассоциации и человечности», выступающего «во имя прав всех», отстаивающего демократию как «управление всех всеми», имеющего целью «освобождение трудящихся классов» и обеспечение «самого широкого прогресса в будущем»². Здесь Консидеран снова выступал как решительный противник революционных партий, которые, по его словам, «делают ныне из слова «демократия» знамя революции и войны, ужасное оружие одних против политического порядка и правительства других — против собственности и основы социального порядка»³.

В противовес революционерам-демократам и коммунистам Консидеран утверждал, что отстаиваемая им антиреволюционная, «миротворческая» «подлинная демократия» — это «правильная организация мира и труда, развитие общего богатства, последовательное осуществление порядка, справедливости и свободы»⁴. «Слово «демократия»... в смысле управления всех всеми,— продолжал он,— характеризует самое передовое состояние общества, какого человечеству дано достигнуть... Высшим делом человечества... безусловно будет самоуправляться... Это слово ставит, таким образом, вопрос нашего времени: освобождение трудовых классов»⁵.

В этот период истории Франции, когда в стране созрела революционная ситуация, когда народные массы были увлечены идеями демократии, Консидеран призывал обезоружить революционно-демократическое движение и ослабить его путем организации противоположного движения под тем же привлекательным для масс знаменем демократии, но только лишив его всякого революционного значения и истолковывая демократию в духе расплывчатого гуманитарного пацифизма.

«Братство и единство», «Религиозное единство», «Свободное исследование», «Социальное единство», «Право на труд» — таковы идеи, выдвигавшиеся Консидераном в «Манифесте демократии в XIX веке» как ведущие лозунги «миротворческой демократии». Свою газету он представлял здесь как орган «интересов правительств и народов», общность которых он всячески старался доказать. Он заявлял, что «речь идет скорее о том, чтобы просвещать и толкать вперед правительства, чем о том, чтобы низвергать их»⁶. Он подчеркивал свою политическую лояльность, заявляя, что его газета — орган монархический и что с его точки зрения «единение народа и его правительства является выражением высшей цели, которой должна достигнуть политика», наконец, что «условием

¹ V. Considerant. Principes du socialisme..., стр. 53.

² Там же, стр. 59—62.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 69.

sine qua non политического единства является единство социальное, ассоциация различных классов»¹.

Хотя Консидеран провозглашал — и с полной искренностью — демократию как путь к самоуправлению и освобождению трудящихся, на деле его политическая платформа сводилась к сохранению цензитарной монархии, к сохранению буржуазного господства. Об этом убедительно говорит трактовка «Манифестом демократии в XIX веке» вопроса об избирательном праве. Консидеран высказывался за принципиальное признание всеобщности и равенства политических прав всех граждан, но против предоставления практической возможности пользоваться этими правами всем, заявляя, что над «незрелыми» массами должна быть временно установлена «опека». Оправдывая необходимость временной буржуазной «политической опеки» над народными массами, Консидеран в то же время предупреждал «опекунов», что они должны честно осуществлять ее в интересах «подопечных», так как в противном случае «несовершеннолетние» массы могут восстать против них, прогнать и даже уничтожить их. Чтобы предотвратить такую народную революцию, которая «всегда большое несчастье», «опекуны» должны вступить на путь «социального прогресса без революции», путь, ведущий, как полагает Консидеран, к «всеобщему богатству», к «осуществлению порядка, справедливости и свободы», достижимых при помощи «организации производства», «добровольной ассоциации капитала, труда и таланта»². Так в заключительной части «Манифеста демократии в XIX веке» Консидеран с предельной ясностью показывал, что хотя он субъективно стремился к «социальной демократии», которая поставила бы вопрос об «освобождении трудовых классов», объективный смысл его «ассоциационизма» заключался в стремлении спасти буржуазный общественный строй с целью противодействия уже значительно развившейся к тому времени освободительной борьбе пролетариата и его союзников, поскольку пролетарская революция представлялась Консидерану силой исключительно разрушительной, несущей гибель всему обществу.

Такая антиреволюционная позиция Консидерана и его друзей, приверженцев «миротворческой демократии», особенно ярко проявилась в последний период кризиса режима июльской монархии, когда «*La Démocratie pacifique*» резко критиковала политически и морально дискредитировавшее себя правительство, но критиковала именно с позиций защиты существующего «порядка», а не с целью революционной борьбы за ниспровержение его. В этом отношении очень показательны, помимо уже приводившихся выше высказываний Консидерана, его замечания в датированном октябрем 1847 г. «Предупреждении», предпосланном «Манифесту демократии в XIX веке».

Как бы оправдываясь перед демократически настроенными читателями, Консидеран заявлял здесь, что хотя существующее правительство «представляет идеи высшей фракции буржуазии», он все же защищал его от нападок противников только потому, что не сомневался в том, что, «консолидировавшись и став хозяином положения, оно проявит себя, хотя бы в известной мере, благоприятствующим прогрессивным и либеральным тенденциям, из взрыва которых оно вышло в 1830 году»³. Но надежды эти не оправдались, и Консидерану приходится, попрежнему

¹ V. Considerant. Principes du socialisme..., стр. 70—72.

² Там же, стр. 73—74.

³ Там же, Avertissement, стр. V.

оставаясь в числе «людей, по самой природе их миротворческих и организаторских убеждений больше всего преданных принципу порядка», с горечью констатировать, что нечего больше надеяться на какую-либо прогрессивную инициативу со стороны правительства, которое эти люди так долго защищали.

Далее Консидеран указывал, что реакционная и своекорыстная политика господствующей верхушки крупной буржуазии, связанная с «большим антилиберальным заговором аристократии и абсолютистских дворов», ведет Европу к «новой эре революционных потрясений»¹. Но новая европейская революция, утверждал Консидеран, не принесет желательных результатов: она, по его предположению, сможет лишь привести народы к национальному освобождению и свободному конституированию в соответствующих национальных границах; «но это великое исправление не изменит ничего, абсолютно ничего в социальном положении каждого народа»². К тому же поборник «миротворческой демократии» высказывал опасение, что «новые революционеры пожрали бы сами себя, как их предшественники, не сумевши возвести новый порядок на новых руинах, которые они создали бы», и тогда «в атмосфере, раскаленной всеобщей революцией, которая задела бы самое основание общества, к несчастью, вероятно, человечество вместо того, чтобы разрешить проблему своей свободы и своего счастья, снова произвело бы лишь пепел и кровь»³.

Проникнутый таким неверием в созидательные возможности революции и страхом перед ее разрушительными силами, Консидеран ставил вопрос о необходимости предотвратить революцию во Франции и в других европейских странах, где политическая и социальная ситуация делала ее почти неизбежной, а если революция все же разразится, — направить ее по пути «умиротворения» и «созидания». С этой целью он призывал к объединению всех «разумных» противников революции, сторонников «порядка и мирной организации общества». Консидеран верил, что только отстаиваемые им «новые идеи» способны вдохновить на созидание «нового общества», и важнейшим принципом, составляющим основу этих идей, считал фурьеристский принцип ассоциации.

Так возглавляемые Консидераном мелкобуржуазные сторонники «миротворческой демократии» в своей борьбе против назревающей народной революции, в которой решающую роль мог сыграть пролетариат, пытались использовать взятую ими у Фурье идею ассоциации, оторванную от всей социально-исторической концепции Фурье в целом, для осуществления консервативных целей — сохранения основ существующего политического и социального порядка, целей, коренным образом отличных от той, какую в свое время выдвинул Фурье.

Революция 1848 г. вызвала новый подъем активности фурьеристов, но именно в процессе революции фурьеристы, даже самые передовые из них, обнаружили свою неспособность стать идейной группой борцов за социальный прогресс.

25 февраля 1848 г. утренний выпуск «La Démocratie pacifique» вышел с лозунгом «Vive la République!», а в вечернем ее выпуске того же дня было напечатано программное заявление, выразившее полное признание

¹ V. Considerant. Principes du socialisme..., стр. V—VI.

² Там же, стр. VI.

³ Там же.

республики. Новая республика рассматривалась при этом как продолжательница незавершенного дела первой республики, которая только разрушила старый порядок, но не создала нового. Эта новая республика, создательница нового порядка, должна была, по мысли авторов заявления, служить средством для достижения целей социального преобразования. Возлагая на нее такие надежды, фурьеристская газета отождествляла дело республики с делом социализма. В связи с этим она призывала к объединению социалистов всех направлений и предлагала свои страницы такому общесоциалистическому объединению, выдвигая при этом соответствующие общие требования, в частности о создании особого «министерства прогресса»¹. Позднее «миротворческие демократы» приняли участие в выборах в Учредительное собрание, причем в своем «Избирательном манифесте» они прокламировали пацифистский социализм, который должен, по их чаяниям, установить «царствие божие на земле»: единение классов и социальный мир внутри Франции, мир и дружбу с другими народами, а в дальнейшем — «конфедерацию свободных народов и Всемирную Республику»². Во время избирательной кампании «La Démocratie pacifique» поддерживала не только кандидатуры Консидерана, Лешевалье, Туссенеля и других фурьеристов, но и кандидатуры различных деятелей иных направлений: Альбера, Араго, Луи Блана, Флокона, Ламартина, Ледрю-Ролена, Пьера Леру, Кабэ, Прудона, Видаля и др.

Консидеран, избранный депутатом в Учредительное собрание (от департамента Луарэ), а затем и в Законодательное собрание (от департамента Сены), примкнул к Горе и принимал активное участие в политической борьбе: в Конституционной комиссии он требовал провозглашения права на труд, идею которого выдвинул в свое время Фурье; в Люксембургской комиссии он поддерживал все социалистические проекты и вносил предложения в фаланстерианском духе.

Июньские события взорвали надежды Консидерана и его единомышленников на мирное строительство «социальной республики» на основе «единения классов». 24 июня глава фурьеристов выступил в Учредительном собрании с соглашательской речью, предлагая выпустить специальную прокламацию, чтобы рассеять «роковое недоразумение, которое имелось среди восставшего населения», и утверждал, что такого рода обращение Собрания «могло бы легко восстановить мир на окровавленных улицах столицы»³. Требовать отвода войск и расследования действий правительства Консидеран не решался: он говорил лишь о необходимости обратиться с умиротворяющим призывом к «заблудшим несчастным». Но и это умеренное предложение было встречено крайне враждебно буржуазным большинством Учредительного собрания, председателем которого решительно отказался допустить самую возможность «вступать в переговоры с бунтовщиками». Тогда Консидеран выступил в своей газете с критикой официального отчета о причинах июньского восстания и сделал свои выводы: о невозможности создания демократической и социальной республики путем кровавой революции; о необходимости покончить, с одной стороны, с нищетой рабочего класса, сосредоточенного в крупных городах, а с другой — с наличием могущественной финансовой аристократии; о необходимости не ликвидировать, а реорганизовать и усовершенствовать

¹ Идея создания «министерства прогресса» была выдвинута Консидераном впервые в 1841 г. («Bases de la politique positive», p. 18).

² «La Démocratie pacifique», 1848, t. X, № 72.

³ «Moniteur», 24 juin 1848, p. 1486; H. Bourgin. Victor Considerant. Lyon, 1909, p. 100.

национальные мастерские, в то же время отвергая попытки использовать создавшуюся ситуацию в целях дальнейшего усиления революционного движения в рядах пролетариата¹. Таким образом, в критический момент фурьеристы заняли позицию, которая на деле ослабляла революционную демократию и содействовала закреплению победы реакции.

Эту-то мелкобуржуазно-соглашательскую позицию Консидеран попытался обосновать в написанной им во второй половине 1848 г. и тогда же опубликованной книге о «социализме перед лицом старого мира»².

Консидеран начинал свою книгу с заявления, что июньское восстание и кровопролитие на улицах Парижа были следствием провокационной политики Национального собрания и его угрозы ликвидировать национальные мастерские. Развитие событий, признавал он далее, показывает, что революция не завершена, что освобождение пролетариата не достигнуто, что основная проблема современности — социальная проблема — не разрешена, наконец, что «идея века» остается социализм как идеал мира, справедливости и гармонии. Этот социалистический идеал, по мнению Консидерана, совпадает с идеалом христианства и, подобно последнему, вовсе не требует осуждения богатства, а требует лишь осуществления социальной справедливости. Практически задача сводится к тому, чтобы, во-первых, «преобразовать наемный труд, последнюю форму зависимости», во-вторых, «установить общество согласия, свободного и сводящего к единству труда, гармонии»³.

Значительную часть (около трети) этой книги Консидеран посвятил историческому и критическому обзору различных направлений современной социалистической мысли. Критикуя каждое из этих направлений⁴ и признавая наличие больших принципиальных расхождений между ними, Консидеран тем не менее утверждал, что принципиальные разногласия не должны препятствовать достижению единства действий всех социалистов, и призывал к созданию «социалистического объединения». Допуская «полную независимость» и «ясное и резкое разделение принципов», он требовал отказа от доктринерского догматизма⁵ и полагал, что перед лицом многочисленных общих врагов все социалисты должны объединиться, чтобы продемонстрировать согласие и единство действий по тем вопросам, по которым это возможно, а тем самым дать почувствовать и самим себе, и противникам силу всего социалистического движения в целом.

¹ V. Considerant. Folie et Vertige! «La Démocratie pacifique», 1848, t. XI, № 109; его же: Leçons pour tous et à tous. «La Démocratie pacifique», 1848, t. XI, № 175.

² V. Considerant. Le socialisme devant le vieux monde, ou le vivant devant les morts, suivi de Jésus-Christ devant les conseils de guerre. P., 1848.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Что касается фурьеризма, то, говоря о нем, Консидеран оставлял в стороне общефилософские идеи Фурье и давал только анализ тех его экономических и социальных идей, которые с его, Консидерана, точки зрения имеют практическое значение для разрешения актуальных проблем в социально-реформистском плане (там же, стр. 37, 41—46).

О характере «обработки» Консидераном теории Фурье один из фурьеристов, Буйль, писал: «Фурьеризм, каким его изложил нам г. Виктор Консидеран,— это вовсе не чистый и полный фурьеризм. Он тщательно удалил всю наиболее фантастическую и в то же время наиболее оспоримую часть... свел его к простой системе ассоциации... прибегнул к бесконечным обработкам, чтобы не задевать даже самых несправимых консерваторов» (Цит. по кн.: Н. Vougin. Victor Considerant, p. 59).

⁵ Характерно, что при этом Консидеран, выступая и против фурьеристского доктринерства, писал: «Что у Фурье были свои промахи, что у него были идеи ложные, экстравагантные, имморальные, если хотите,— об этом не может быть и вопроса. Разве мы выдаем его за бога, за пророка, за непогрешимое слово?» (V. Considerant. Le socialisme devant le vieux monde..., p. 120).

Однако, когда Консидеран подходил к актуальным задачам последнего, он проявлял стремление навязать ему свою пацифистско-реформистскую программу действий: он говорил о том, что социализм должен быть осуществлен не путем революции, а путем мирного строительства в духе христианства; это будет содействовать освобождению рабочих от наемной зависимости и социальному подъему труда. «Организовать при полной свободе конкуренции *посредничество* со стороны коммун и со стороны государства; создать демократический кредит путем взаимного и свободного страхования ценностей; поощрять добровольную ассоциацию труда и капитала в области производства — такова была, такова еще и сейчас, — писал Консидеран, — практическая задача февральской революции»¹.

Такая постановка вопроса об общей роли социалистического движения в революции и о практических задачах этого движения по существу означала борьбу против пролетарских направлений французского социализма и коммунизма, отказ от революционной освободительной борьбы рабочего класса и сведение социализма к некоторым социальным реформам под покровительством буржуазного государства. В этой программе Консидерана не оставалось уже почти ничего от провозглашенного Фурье широкого плана решительного и полного перехода к высшему общественному строю. Эта программа имела слишком мало общего с развивавшейся в то время борьбой самых прогрессивных сил общества, опиравшихся на пролетариат, который уже выступил в качестве самостоятельного исторического класса.

Свою политическую и социальную программу Консидеран представил состоявшемуся в Париже 15—19 октября 1848 г. фаланстерианскому конгрессу. При этом он использовал соображения Фурье относительно возможных организаций «гарантизма», которые могли бы, по предположению великого утописта, служить последовательным переходом к «гармонизму», строю согласованности, если бы не удалось осуществить непосредственный переход к последнему. Для Фурье эти учреждения переходного типа никогда не были целью, а намечались им как бы в качестве мостика к будущему лишь на тот случай, если окажется невозможным сразу перейти к строю гармонии путем желательного, с точки зрения автора «социетарной теории», скачка. Для Консидерана же, как и для всех почти фурьеристов-эпигонов, они становились самоцелью, если не конечным идеалом: он особо подчеркнул, что «вмешательство фаланстерианцев в учреждения гарантизма, могущие получить непосредственное применение, представляет собой капитальную важность для пропаганды»². Конгресс одобрил программу Консидерана и вытекавшие из нее практические предложения об обращении к Национальному собранию с просьбой предоставить «Социетарной школе» средства на организацию опытной общины для доказательства «ценности серии как орудия порядка и гармонии», с указанием при этом, что организация «социетарной общины» должна производиться путем «последовательных опытов, из которых первый по важности — опыт с детьми»³.

Ход событий заставил Консидерана и его единомышленников не только отказаться от своего прежнего политического индифферентизма, от своей прежней лояльности к монархии и к существующему «порядку», но и проделать дальнейшую политическую эволюцию в сторону мелкобуржуазно-демократического радикализма. В декабре 1848 г. «La Démocratie

¹ V. Considerant. Le socialisme devant le vieux monde..., p. 91.

² «Bulletin phalanstérien», 30 novembre 1848.

³ Procès-verbaux du Congrès phalanstérien, 1848, p. 10, 14; H. Bourgin. Fourier. P., 1905, p. 499.

pacifique» примкнула к образовавшемуся тогда Комитету демократической и социальной прессы и вскоре сыграла видную роль в развитии его деятельности. Собрания Комитета происходили в помещении редакции фурьеристской газеты, и здесь, при непосредственном участии Консидерана, была разработана программа «красного» блока левых республиканцев и социалистов, опубликованная 6 апреля 1849 г. в связи с предстоявшими выборами в Законодательное собрание. Эта программа предусматривала защиту республиканского строя и всеобщего прямого голосования, «развитие конституции в демократическом духе», подчинение исполнительной власти законодательной, «реальную свободу печати», «неприкосновенность права собраний и союзов», «право на труд», «демократическую организацию кредита», «уничтожение ростовщичества» и ряд мероприятий, которые, по мысли инициаторов, повели бы к национализации страхового дела, банков, железных дорог, каналов и рудников, к сокращению государственного бюджета и справедливому распределению налогового бремени.

Вслед за принятием этой демократической программы, 14 апреля 1849 г. Консидеран выступил в Учредительном собрании с четырьмя законопроектами: о государственной регистрации ипотек, о создании в каждом округе сельскохозяйственной палаты производителей и промышленной палаты производителей, об организации опытной социетарной общины и об учреждении министерства прогресса¹. Речь, которую Консидеран подготовил для обоснования этих законопроектов, полностью не могла быть произнесена им из-за обструкции со стороны правого крыла Собрания, но текст ее был опубликован вслед за тем в «La Démocratie pacifique» и отдельным изданием².

В этой речи Консидеран заявлял, что фурьеристская школа «несет в своем лоне спасение, свободу и счастье всего мира»³, указывая путь к разрешению важнейшей проблемы современности — проблемы окончательного сочетания порядка и свободы в социализме. Вслед за весьма общим, расплывчатым определением неофурьеристского «социализма», по существу своему антиреволюционным и не содержащим ничего социалистического, Консидеран указывал, что достигнуть такого общественного строя невозможно ни путем революции, ни путем пассивного отказа от вмешательства в ход развития общества, — необходимо творческое искание выхода из современного хаоса, искание путей и средств созидания нового.

Современное общество, отмечал далее в своей речи Консидеран, идет к новому феодализму. Свобода, которую провозгласила революция, оказалась иллюзорной, так как она не сопровождается социальными гарантиями. В связи с этим утверждения экономистов старой школы, что обездоленные классы могут подняться к обладанию собственностью путем упорного труда, добродетельной жизни и бережливости, Консидеран объявлял «утопиями навыворот»⁴. В противоположность им он провозглашал идею социализма в качестве «философии XIX века», опирающейся на логику и справедливость; право человека на собственность как продукт его труда, со всеми вытекающими отсюда выводами. Отсюда — необходимость реорганизации экономического и социального строя, ради которой Консидеран предлагал свои четыре законопроекта, указывая

¹ Assemblée Constituante. Impressions № 1027, 1028, 1029, 1030. P., 1849.

² V. Considerant. Discours prononcé à l'Assemblée Constituante dans la séance du 14 avril 1849. «La Démocratie pacifique», 1849. t. XIII, № 104. Paris, p. 173.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 35—36.

также на целесообразность учреждения и последовательного расширения бесплатного кредита как средства всеобщей демократизации экономического аппарата страны.

Давая вносимым им проектам широкое идеологическое обоснование, Консидеран заявлял, что рассматривает осуществление их лишь как открытие новой эпохи, «эры целостной и всеобщей гармонии», как начало «осуществления на земле царствия божия и справедливости его»¹, и в заключение призывал депутатов Учредительного собрания «возглавить торжественное освящение» этого «сияющего предназначения свободы»².

Речь Консидерана от 14 апреля 1849 г. была более радикальной, чем его выступления в предшествовавший период: в ней не только выдвигались предложения об отдельных реформах, но и ставился, хотя все в том же реформистско-пацифистском духе, вопрос о необходимом преобразовании общества в целом. Здесь отразился общий процесс радикализации мелкобуржуазной демократии, которая, будучи поставлена перед необходимостью борьбы против реакционной политики президента Луи-Наполеона Бонапарта и «партии порядка», искала в то время сближения с рабочим классом. Консидеран, который был вовлечен в эту борьбу, не ограничился отдельными предложениями социально-экономического порядка, он принял активное участие в общей политической борьбе мелкобуржуазной демократии против крупной буржуазии и реакционного правительства.

Еще задолго до выступления 13 июня 1849 г. Консидеран обещал вождю партии Горы Ледрю-Роллену полную поддержку в борьбе за свержение президента Бонапарта, вплоть до участия в революционных действиях, если они окажутся необходимыми для достижения этой цели. Со своей стороны Ледрю-Роллен обязался после перехода к нему поста президента республики и образования «красного» правительства предоставить в распоряжение «Социетарной школы» достаточные земельные участки и необходимые средства для создания опытного фаланстера³.

Исходя из своих пацифистско-демократических идей в отношении внешней политики, Консидеран решительно выступил против военной экспедиции, направленной правительством Бонапарта для подавления Римской республики. 7 мая он внес в Учредительное собрание предложение о привлечении к ответственности президента республики и всего состава правительства за нарушение конституции, поскольку последняя запрещает применение вооруженных сил Французской республики против свободы какого бы то ни было народа⁴. Одновременно, ведя в своей газете кампанию радикальной оппозиции, он стал развивать на ее страницах теорию «революционного права», права на вооруженное восстание против правительства в случае его реакционных, противонародных действий, угрожающих республике⁵.

13 июня 1849 г. мелкобуржуазная радикально-демократическая оппозиция решила на открытое внепарламентское выступление против правительства контрреволюции. Но будучи лишена решимости и силы, необходимых для революционной борьбы, и не имея поддержки со стороны пролетариата, который был ею предан за год до того, не имея массовой поддержки, от которой она сама отказалась, мелкобуржуазная

¹ V. Considerant. Discours prononcé à l'Assemblée Constituante dans la séance du 14 avril 1849, стр. 93—94.

² Там же, стр. 100—101.

³ H. Bourgin. Victor Considerant, p. 107.

⁴ «La Démocratie pacifique», 1849, t. XIII, № 125.

⁵ Там же, № 131.

демократия потерпела полное поражение. Обвинительное заключение по делу об этом выступлении указывает на значительное участие Консидерана в связанных с этим делом событиях¹. Сам Консидеран в опубликованных им впоследствии объяснениях по поводу своего участия в выступлении 13 июня указывал, что он присоединился к этому выступлению потому, что видел в нем средство защиты конституции².

11 июня Консидеран председательствовал на состоявшемся в помещении редакции его газеты заседании Комитета демократической и социальной прессы, где предложил проекты резолюций, которые должно было затем внести в Законодательное собрание левое меньшинство: объявить о нарушении конституции президентом и правительством; признать граждан (особенно военнослужащих, национальных гвардейцев и государственных служащих) свободными от обязательств по отношению к нарушившим конституцию властям; призвать всех к неподчинению и сопротивлению антиконституционному правительству и большинству Законодательного собрания; наконец, после исключения из Законодательного собрания всех нарушителей конституции объявить его полномочным и непрерывно заседающим. На следующий день Консидеран представил эти предложения собранию депутатов Горы, и от имени последних они были внесены Ледрю-Ролленом на рассмотрение Законодательного собрания, реакционное большинство которого отвергло их. Между тем Комитет демократической и социальной прессы продолжал непрерывно заседать в помещении редакции «*La Démocratie pacifique*», и здесь Ледрю-Роллен, Консидеран и Феликс Пиа составили прокламацию «К французскому народу», которая была опубликована вместе с прокламациями «друзей конституции»³.

По замыслу мелкобуржуазно-демократических руководителей, народная манифестация 13 июня должна была быть мирной. Как формулировал позднее Консидеран, они хотели «мирного, конституционного и легального восстания права против нарушителей конституции, закона, права, против истинных пособников смуты в государстве, против узурпаторов и бунтовщиков»⁴, каковыми он и его единомышленники считали правительство Бонапарта и его приверженцев. Манифестанты после того, как их разогнали правительственные войска, были вынуждены призвать национальных гвардейцев и рабочих Парижа к восстанию. «Если дело дошло до оружия,— писала «*La Démocratie pacifique*»,— ни один республиканский национальный гвардеец не должен уклониться...»⁵. Депутаты Горы выпустили прокламацию с призывом к восстанию, пытаясь вовлечь, правда, слишком поздно, национальных гвардейцев в борьбу. Среди депутатов мелкобуржуазной демократии, непосредственно участвовавших в этом деле, был и Консидеран. Но революционные угрозы мелкобуржуазных социалистов и демократов, изолированных от пролетариата, не были подкреплены ни решимостью к настоящей вооруженной борьбе против реакционного правительства, ни подготовленностью к такой борьбе, ни способностью довести ее до конца. А главное, действуя только во имя защиты конституции, а не реальных интересов народа, не имея

¹ Haute Cour de justice, 12 octobre 1849, Acte d'accusation; H. Bourgin. Victor Considerant, p. 107—109.

² V. Considerant. Simples explications à mes amis et à mes commetants. «Le Débat social», Bruxelles, 5 juillet 1849; H. Bourgin. Victor Considerant, p. 107.

³ Au peuple français! Déclaration de l'Association démocratique des Amis de la Constitution. «La Démocratie pacifique», 1849, t. XIII, № 162.

⁴ V. Considerant. Simples explications... «Le Débat social», 5 juillet 1849; H. Bourgin. Victor Considerant, p. 109.

⁵ «La Démocratie pacifique», 1849, t. XIII, № 162.

определенной социальной программы и жизненных лозунгов, эти мелкобуржуазные социалисты и демократы были неспособны поднять массы и увлечь их за собой. Поэтому их выступление 13 июня было обречено на неудачу и закончилось полным провалом.

После подавления движения 13 июня 1849 г. правительственными войсками, введения осадного положения и установления реакционной диктатуры «партии порядка» 34 депутата Горы были привлечены к судебной ответственности. Почти все они (за исключением восьми, которые были арестованы), не признавая правомерности суда при сложившейся обстановке, бежали за границу, в том числе Консидеран, который нашел убежище в Бельгии. Свой отказ предстать перед верховным судом, да и вообще участвовать в дальнейшей политической борьбе во Франции Консидеран обосновал на страницах своей газеты, продолжавшей еще выходить в Париже¹, и брюссельского журнала «Le Débat social»². Подводя итоги революции 1848 г., он писал: «Из-за того, что она не была достаточно *социальной*, достаточно *католической* в этимологическом и истинном смысле этого слова, что значит *всемирной*, из-за того, что она недостаточно поняла *солидарность народов*, прекрасная февральская революция, совершенная социалистическим народом Парижа, попала в руки синих буржуа, доктринерских, невежественных и чисто формальных республиканцев из прежнего «National», не смогла осуществить всеобщее освобождение наций, освобождение пролетариев, установление демократического кредита, свободное и федеральное учреждение европейского единства, обоснование мира, труда, преуспевания и всемирной гармонии»³.

С эмиграцией Консидерана «Социетарная школа» быстро пришла в полный упадок. «La Démocratie pacifique», преследуемая властями и часто подвергаемая непосильным штрафам, некоторое время (с 14 июля до 25 августа 1849 г. и с 23 мая до 4 августа 1850 г.) не выходила, да и вообще перестала быть органом актуальной социально-политической борьбы и печатала преимущественно статьи на общие, отвлеченные, теоретические темы. Остальные периодические издания фурьеристов прекратили свое существование после 1849 г., за исключением выходившего еще до 1852 г. ежегодника «Almanach phalanstérien». Прочая же их издательская деятельность свелась преимущественно к перепечаткам некоторых серий статей отдельными брошюрами.

Участие Консидерана и его единомышленников в революции 1848 г. фактически явилось отходом от некоторых из их прежних принципиальных установок (политический индифферентизм, антиреволюционность, лояльность к монархии и всему существующему «порядку»). Но этот отход, совершившийся под давлением сил, действовавших вне самой «Социетарной школы», был отходом вынужденным и не сопровождался необходимым пересмотром всей ее социально-политической идеологии. Поражение прогрессивных демократических сил, в лагере которых оказались фурьеристы, также не привело их к критической переоценке своих позиций. Они лишь были подавлены неудачей и, разочарованные, еще больше погрязли в своем мелкобуржуазно-пацифистском реформизме, который теперь, после революции, стал играть роль еще более реакционную.

¹ Considerant. Irons-nous à Versailles? «La Démocratie pacifique», 1849, t. XIV. № 195.

² V. Considerant. Simples explications... «Le Débat social», 5 juillet 1849, p. 115 sqq.

³ «La Démocratie pacifique», 1849, t. XIV, № 195.

Между тем развивавшаяся классовая борьба пролетариата открывала социалистическому движению новые пути. Социалистическое учение, завершившее свое развитие от утопии к науке, создавало неизбежную теоретическую основу для этого движения, органически связывая его с освободительной борьбой пролетариата. В этих условиях фурьеризм, в теоретическом отношении представлявший собой уже изжитую стадию развития социалистической мысли, а в своей практике оторванный от масс, становился общественным движением все более и более реакционным. Сойдя с большой исторической сцены, он был представлен кучкой еще упорствовавших, не понимавших новой эпохи эпигонов.

Этот эпигонский крохоборчески-реформистский фурьеризм, внешне сохраняя доктринерское правоверие, цеплялся за то, что было в учении Фурье неизбежно ошибочного, реакционного, преходящего, обусловленного незрелостью общественных отношений и связанной с этим незрелостью социалистической мысли. По духу же, по существу своему он был прямо противоположен основным устремлениям «социальной философии» Фурье: сам Фурье, страстный враг буржуазной «цивилизации», всегда подчеркивал, что дело не в отдельных частичных реформах и усовершенствованиях этого строя, не в предварительном воспитании и совершенствовании человека, а в необходимости полной, коренной и одновременной перестройки всего общества (его производственной системы прежде всего), так как иначе отдельные реформы и усовершенствования дадут не положительный, а отрицательный эффект, поскольку они лишь содействуют поддержанию и укреплению отжившего и порочного общественного строя. Эта принципиальная разница между характером учения и деятельности самого Фурье, с одной стороны, и эпигонов фурьеризма — с другой, равно как и существенное различие социальной и политической роли их, могут и должны быть правильно поняты в свете приведенного выше положения «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «знание критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию»¹.

В условиях своего времени Фурье не понимал и не мог еще понять необходимость революционного насилия для достижения высшей ступени общественного развития; но самое требование, которое он обосновывал, — требование одновременного и полного устранения старого строя для установления строя нового — было по существу своему в известном смысле революционным. Между тем крохоборческий реформизм, глубоко чуждый страстному врагу буржуазной цивилизации Фурье, стал основной характерной чертой так называемых фурьеристов. Люди, которые во Франции 40-х годов именовали себя фурьеристами, жили в условиях, когда пролетариат, новый общественный класс, носитель социалистического грядущего, выступил уже как сформировавшаяся революционная историческая сила, действовавшая единственно возможным и верным путем — путем революционной классовой борьбы. Но эти эпигоны фурьеризма, будучи идеологами мелкой и средней буржуазии, не хотели признать необходимость вступления вместе с пролетариатом на путь революционной классовой борьбы за социалистический идеал и все еще наивно надеялись на возможность его достижения путем «миротворческой демократии», путем «примирения классов», «сотрудничества классов». Это было наруку только реакции, и вполне естественно, что французский пролетариат не пошел за теми, кто звал его на этот путь.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1950, стр. 68.

Консидеран и руководимые им приверженцы «Социетарной школы» крепко держались старых, отживших, реакционных воззрений своего учителя, в то же время отвергая то, что было в его взглядах во многих отношениях революционным. Поэтому-то идеология и тактика этих деятелей «Социетарной школы», которые, по словам Маркса и Энгельса, «...при всем своем правоверии являются прямыми антиподами Фурье, буржуазными доктринерами»¹, окончательно обанкротились в процессе революции 1848 г., выявив свою реакционно-утопическую сущность.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 455.